

Конец «персидской перестройки»

В Иране пробил час радикальных сил. Установление контроля над парламентом – только первый шаг. Недовольство населения растет.

Давид Рамин Джалилванд | 25.02.2020

На парламентских выборах победу одержали радикалы, а также другие ультраконсерваторы

Данная статья также доступна на [немецком языке](#)

Иран переживает начало новой эпохи. Последние парламентские выборы положили начало крутому повороту от прагматизма к политике, ориентированной на конфронтацию. Есть все основания считать, что эта политика будет определять курс Исламской Республики в последующие годы.

Тем самым попытка «персидской перестройки», отличительной чертой которой были открытость внешнему миру и умеренные реформы, потерпела неудачу. Символом этого проекта является все еще действующий президент страны Хасан Рухани. В 2013 году он вступил в должность, пообещав уладить спор вокруг ядерной программы Ирана и вернуть страну в международное содружество государств. После отмены санкций промышленность Ирана должна была наконец снова заработать на полную силу. Параллельно с реализацией неолиберальных экономических реформ предпринимались и робкие шаги в сторону социально-политической либерализации.

Между тем итог деятельности правительства оказался весьма скудным. Ядерное соглашение, заключенное в 2015 году, вот-вот потерпит крах. После того как из него в одностороннем порядке вышли Соединенные Штаты, последовала ответная реакция Ирана, отказавшегося от реализации важных частей этого соглашения. Сегодня экономика Ирана страдает не только от последствий массовой коррупции и неэффективного управления, но также испытывает огромные трудности в связи с американскими санкциями.

Выход США из ядерного соглашения и провал Европы развязали руки тем силам в Тегеране, которые усматривают спасение Исламской Республики в конфронтации и изоляции от внешнего мира

В Тегеране противникам Рухани из блока различных радикальных сил удалось заблокировать попытки правительства провести реформы. Для этого они воспользовались своим контролем над инстанциями вроде Совета стражей конституции, которые де-факто не контролируются народом. Этот орган в политической системе страны стоит выше парламента и правительства, а потому может существенно ограничивать их деятельность.

Надежды на более широкое участие граждан в принятии решений рухнули еще в ноябре прошлого года. Прокатившаяся по всей стране волна протестов против повышения цен на бензин была подавлена с невиданной ранее жестокостью. Сотни людей погибли, тысячи заключены под стражу. Те, кто исповедовал прагматизм в Тегеране, остались ни с чем. Растет недовольство их сторонников среди иранского населения. Испытав разочарование, они отворачиваются от системы.

Зато пробил час радикалов. Выход США из ядерного соглашения, а также провал попыток Европы противопоставить что-то существенное американским санкциям развязали руки тем силам в Тегеране, которые усматривают спасение Исламской Республики в конфронтации и изоляции от внешнего мира. Они осознают, что нынешний политический момент им на руку, и принялись за работу со знанием дела.

На выборах под знаменем «принципализма» (приверженности старым принципам) победу одержали радикалы, а также другие ультраконсерваторы. Все больше иранцев не видят в новом парламенте представительства своих интересов.

Точкой отсчета стали последние парламентские выборы. Радикально настроенный истеблишмент Исламской Республики решил пойти буквально ва-банк. Ввиду скудного итога деятельности Рухани возможности представителей лагеря умеренных политических сил по мобилизации электората в свою пользу оказались ослабленными. С этой точки зрения нынешняя ситуация напоминает 2004 год, когда разочаровавшиеся сторонники президента-реформатора Мохаммада Хатами предпочли остаться дома и отказались от участия в голосовании.

Впрочем, сегодня сторонники жесткой линии хотят исключить любой риск. Совет стражей конституции отстранил от участия в выборах большое число реформаторов и умеренных консерваторов. Из 16 тыс. человек, выдвинувших свои кандидатуры, было допущено всего 7100 претендентов, то есть меньше 45%. Для сравнения: на парламентских выборах 2000 года согласие на участие в них от Совета стражей конституции, близкого к самому могущественному человеку в стране – лидеру Исламской революции Али Хаменеи – получило свыше 80 процентов всех кандидатов. Показательно, что на последних выборах от участия в них была отстранена более чем треть всех нынешних депутатов, представляющих, конечно же, реформаторов или умеренных консерваторов.

Неудивительно, что на выборах под знаменем «принципализма» (приверженности старым принципам) победу одержали радикалы, а также другие ультраконсерваторы. Все больше иранцев

не видят в новом парламенте представительства своих интересов. Впрочем, он и так имеет лишь второстепенное значение в принятии политических решений, которые, как правило, принимаются путем неформальных переговоров внутри элиты Исламской Республики. С массовым уходом депутатов-реформаторов его позиции еще более ослабнут.

Страна, очевидно, будет все больше отдаляться от прогрессивных реформ в экономической политике, а также от решения вопроса о социальных свободах и праве на участие в принятии политических решений

Установление принципалистами контроля над парламентом – только первый шаг. В следующем году пройдут президентские выборы. И здесь радикальные силы будут стремиться к выдвижению своего кандидата в качестве преемника Рухани. Нынешний президент после двух сроков пребывания в должности утратил право на участие в избирательной гонке. До выборов в мае 2021 года парламент, скорее всего, полностью заблокирует деятельность президента и еще больше изменит политическую повестку дня страны не в пользу умеренных сил.

Наконец незримо встал и вопрос о преемниках наследства 80-летнего лидера Исламской революции Хаменеи. Параллельно с парламентскими выборами пройдут и промежуточные выборы в Совет экспертов – орган, которому предстоит принять решение о наследнике Хаменеи. Здесь также существенно усилилось влияние сторонников жесткого курса, в том числе и благодаря активной поддержке Совета стражей конституции.

Такое развитие событий означает для политики Ирана дальнейшее продолжение радикального курса последних месяцев. Страна еще больше отдастся от прогрессивных реформ в экономической политике, а также от решения вопроса о социальных свободах и праве на участие в принятии политических решений.

Иран вопреки всем мрачным прогнозам весьма далек от экономического коллапса. Однако удастся ли власти ощутимо смягчить экономические тяготы населения, остается под вопросом.

Следовательно, можно ожидать и того, что Иран не сможет полностью раскрыть весь свой экономический потенциал. Ведь по причине санкций – а достижение понимания с Вашингтоном в скором времени маловероятно – в прошлом году обвалилась на 74% не только торговля Европой. Рухнули надежды и на альтернативу на Востоке: из-за длинных щупальцев американских санкций существенно сократился объем торговли с Китаем (-34%) и Индией (-79%). Из-за санкций набирает обороты торговля через подпольные структуры, а уровень коррупции растет все больше.

Правда, Иран вопреки всем мрачным прогнозам весьма далек от экономического коллапса. За исключением энергетического сектора, экономика Ирана даже снова достигла небольшого роста. Однако удастся ли руководству государства ощутимо смягчить экономические тяготы населения, остается под вопросом. Высокий уровень инфляции в стране в последние месяцы повлек за собой резкое падение покупательной способности и реальных поступлений в бюджет страны. Растут страдания и чувство досады. Сегодня у населения Ирана все меньше шансов на то, чтобы выразить свой протест внутри системы Иранской Республики. Парламентские выборы, сопровождаемые отстранением от участия тысяч претендентов, еще больше обостряют эту

дилемму, таящую в себе огромный и опасный общественно-политический потенциал.

Потенциально взрывоопасным фактором остается и внешняя политика Ирана. Тегеран, скорее всего, будет делать ставку на давление как в ядерном вопросе, так и в региональной политике. Так, с прошлого года Иран стремится увязать американские санкции, нераспространение ядерного оружия и безопасность в регионе. Цель – взвинтить расходы на политику «максимального давления» со стороны Вашингтона.

Потенциально взрывоопасным фактором остается и внешняя политика Ирана. Тегеран, скорее всего, будет делать ставку на давление как в ядерном вопросе, так и в региональной политике.

Уже сегодня Иран отказался от реализации важных элементов ядерного соглашения. Так, например, Тегеран вопреки договору использует более современные, а значит, и более скоростные центрифуги для обогащения урана. В связи с этим растет обеспокоенность возможными скрытыми последствиями для наращивания ядерного потенциала Ирана не только в Европе. На фоне стремления Ирана выстроить мощную позицию на возможных переговорах в будущем в ближайшей перспективе возникает угроза полного коллапса ядерного соглашения. Последствия такого события для Среднего Востока непредсказуемы.

К тому же Тегеран параллельно делает ставку в региональной политике на дозированную конфронтацию. Посредством точечных нападений на нефтяные танкеры и нефтеперерабатывающие заводы он продемонстрировал большую уязвимость своих соперников – Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратов. Показательно, что они уже отреагировали на это и пошли на контакт с Тегераном. А местные ястребы ощутили уверенность в правоте своих действий. Потому не исключены новые удары со стороны Ирана в обозримом будущем, если Тегеран посчитает необходимым еще раз подкрепить свою позицию в отношениях с Абу-Даби и Эр-Риядом, а также Вашингтоном и Тель-Авивом конкретными делами. Насколько огромен потенциал эскалации в этой связи, свидетельствует динамика протестов, вызванных уничтожением США иранского генерала Касема Сулеймани.

На фоне столь комплексной и сложной ситуации становится ясным масштаб возможных последствий краха попытки перестройки в Иране. В Москве когда-то также провалилась масштабная реформа, что вылилось затем в распад Советского Союза. Пока что признаки такого сценария в Иране не прослеживаются, скорее наоборот. Страна переживает процесс роста и без того существенной концентрации политической власти в руках радикалов. Умеренно мыслящая часть исламской республиканской номенклатуры подчинилась своей судьбе.

Сейчас остается открытым вопрос о том, удастся ли донести до сознания измученного кризисом иранского населения новое экономическое и политическое видение будущего страны. Для все более могущественных сторонников жесткого курса это, судя по всему, может оказаться жизненно важным вопросом из-за усиления политических репрессий и экономических тягот.